

Погоня за призраком

*О романе Леонида Юзефовича «Филэллин» размышляют
Дмитрий Стахов, Игорь Кузнецов и Елена Иваницкая*

Дмитрий Стахов

За нашу и вашу свободу

Никто из нас другим не властелин,
хотя поползновения зловещи.

Иосиф Бродский

Леонид Юзефович более десяти лет писал (а сколько еще лет вызревал замысел!) и, наконец, опубликовал роман «Филэллин». Роман самим автором определяется как исторический, протягивающий нити в наше время, наполненный реальными персонажами, названными как их подлинными именами, так именами слегка видоизмененными, персонажами вымышленными, пронизанный преданиями и мифами и представляющий собой типичный — с моей отнюдь не литературоведческой точки зрения, — постмодернистский роман.

«Филэллин» встретили по преимуществу восторженно.

Отмечался документальный, якобы созвучный эпохе (действие романа — 1820-е годы) монтаж романа. То есть роман соединяет в единый корпус письма, дневники и мемуары, совокупность голосов, взглядов и мыслей людей тех далеких времен, причем голоса эти и мысли связаны не с канувшими в Лету вопросами, а с такими, что остаются животрепещущими и по сей день. И — что очень важно, — язык романа не претендует на аутентичность, не выглядит стилизованным, это язык наших дней.

Говорилось также о выявленном и подробно описанном автором через разных героев конфликте между ясностью мечты и сложностью реальности. В том числе о том, что «филэллин любит не греков, а свои мечты о них», что само по себе — то есть психологическая суть конфликта, подмеченная Леонидом Юзефовичем, — представляет немалый интерес.

Помимо этого утверждалось, что идеей романа становится погоня за призраками. Призраками счастья, свободы, справедливости — всего того, чего можно добиться лишь через войну, страдания и кровь.

И, как бы в противовес крови и страданиям, утверждалось, будто «Филэллин» — роман о любви, но о любви своеобразной, соединяющей в себе и любовь к другому человеку, и к царю, и к идее, и к стране, которая есть некая всесоединяющая, высшая любовь, а все перечисленные любви суть идентичные чувства.

Говорилось также, что роман повествует о вымышленной родине, идеальной, опять же таки выстраданной через кровь и войну, что только она, эта родина, настоящая.

Наконец, писалось, будто книгу Леонида Юзефовича необходимо прочитать в свете последних событий XXI века. Тех самых, что происходят в непосредственной близости от границ современной России, например — в Карабахе (Восток Украины не упоминался), а также о том, что в современной России, к сожалению, нет героя, который был бы похож на Мосцепанова, главного героя романа, отставного штабс-капитана, «сочувствующего повстанческому движению в стонущей под гнетом Османской империи Греции», и выражалась надежда, что он, Мосцепанов наших дней, обязательно появится.

Признаться, гипотетическое появление в наши дни мосцепановых, с одной стороны, внушает опасение. Эти люди, заточенные на экспорт справедливости, обуянные жадой власти и одновременно всегда блюдущие собственный интерес, страшны уверенностью, что твердо знают потребное другим, *что* для других есть счастье и свобода. С другой стороны, в пределах отечества такие люди не переводились никогда. Возможно даже — они российский фирменный бренд. Правда, они редко поднимаются с дивана, редко отводят взгляд от монитора, редко выходят из социальных сетей, но уж когда поднимаются, то жди беды.

Действие «Филэллина» разворачивается во времена войны Греции за независимость от Османской империи, в 1821—1829 годах XIX века, но в самой Греции примерно с середины повествования, а начинается в России, на Урале. Однако по большому счету этот исторический роман не об истории освободительной войны, не о непосредственных ее действующих лицах. Тут всё глубже и серьезнее. Возможно, это роман о предопределенности, о том, что высокое предназначение не реализуется должным образом, что по прихоти Лахесис нить судьбы приводит не к славе и доблести, а в лучшем случае к чаше вина, куску хлеба в маленьком домике на окраине Афин.

«Филэллину» — надо все-таки признать, — не присущи буквально все признаки постмодернистского романа. Скажем, в романе нет иронии, как нет ярко выраженной игры, да и черного юмора тоже, зато натуралистичности хватит еще на пару-тройку романов.

Один из самых выпуклых примеров можно привести из «Дневника инсургента» Шарля-Антуана Фабье, играющего в романе роль антагониста Григория Мосцепанова. Прототипом Шарля-Антуана Фабье послужил крайне любопытный, реальный исторический персонаж, Шарль Никола Фавье, барон, подлинный филэллин, боевой офицер (реальному в Бородинской битве оторвало ногу, романному — изувечило ступню), политический деятель, после смерти которого, в 1855 году, в его честь в Афинах была воздвигнута статуя. Кстати, приехавший в Грецию Фавье-Фавье вряд ли может называться именно инсургентом, он скорее наемник (в этом он напрямую признается), сражающийся в рядах инсургентов и ими — как имеющий профессиональный военный опыт — командующий.

Шарля-Антуана все время преследуют неудачи, он не уверен в себе. Его любовница, приехавшая в Грецию вместе с мужем, вскоре убитым в нелепой стычке, миссис Сьюзен Пелхем, Сюзи, не упускает случая унижить Шарля-Антуана. Покидая и Грецию, и любовника, Сюзи отправляет Шарлю-Антуану пакет: «Посыльный сказал, что вчера Сюзи отдала его хозяину, велев доставить адресату не раньше, чем корабль выйдет из гавани. Внутри я обнаружил клочок ее лобковых волос, перепачканных засохшей менструальной кровью. И всё! Ни прощального письма, ни записки хотя бы

с парой пустых фраз. Лишь отхваченные ножницами слипшиеся волосы — память о ее черном сердце (это не образ, буквально — очертание волосяного покрова на лобке Сюзи напоминает сердце. — *Д.С.*) между ног. К ним не прилагалось ни слова, но я без труда разгадал заключенный в ее послании смысл. Бессловесное, как письмо скифов царю Дарию, оно содержало два слоя значений, поверхностный и более глубокий. В первом Сюзи извещала меня, что наша любовь не дала плода, ее чрево пусто, во втором — что я во всех отношениях бесплоден, и не только она сама, но и Греция после встречи со мной останется такой же, как была»...

Сам автор как рассказчик из романа якобы устранен, реальные события додумываются и изменяются, исторические персонажи превращаются в романских. Например, помимо Фабье-Фавье, это баронесса Криднер, чьим прототипом была баронесса Варвара Юлия фон Крюденер, проповедница мистического христианства, имевшая огромное влияние на императора Александра I, и племянник ее, пермский губернатор. Кроме того, элементы повествования составляют замысловатую комбинацию, герои обретают черты автора романа, не реального Леонида Юзефовича, а мета-автора, что как бы независимо составляет из дневников и писем романную ткань.

Следует признать, что постмодернистское, построенное на причудливом монтаже писем, дневников, путевых записок самых разных людей полотно выстраивается в живописную мозаику, в совокупность голосов, взглядов, мыслей. Однако автор, устранившись как рассказчик, стоит за каждым из героев, жестко управляет ими, в их словах, мыслях и поступках видна авторская интонация, его приоритеты и симпатии.

Среди героев выделяется в первую очередь отставной штабс-капитан Григорий Мосцепанов. Претерпев несправедливости и «пострадав за правду» на родине, Мосцепанов в конечном итоге едет воевать за свободу греков и видит будущую Грецию «копией России, но без русского казнокрадства, пьянства, несправедливого суда и матерного сквернословия».

Мосцепанов представлен и дневниками, письмами и заметками, о нем подробно упоминают в своих записях другие герои. Стержнем его личности — если позволено сделать такое предположение, — является глубокое внутреннее устремление отправиться воевать за свободу в «иных землях, раз уж на своей достичь оную невозможно». И Мосцепанов вырывается из той среды несвободы, степень которой неведома упоминаемому, но не присутствующему в романе лорду Байрону, и другому герою романа — Шарлю-Антуану Фабье.

Особенность понимания «свободы» для Мосцепанова в том, что она с необходимостью должна быть воспринята еще не достигшими такого понимания неразумными греками. В дальнейшем экспорт «свободы» из среды «несвободы» найдет проявление и в пылающем Трансваале («Трансвааль, Трансвааль, страна моя!/ Ты вся горишь в огне!/ Под деревом развесистым/ Задумчив бур сидел», тот самый, сыну которого «в спину выстрелил/ Предатель-готтентот»), и на земле Гренады («Я хату покинул,/ Пошёл воевать,/ Чтоб землю в Гренаде/ Крестьянам отдать./ Прощайте, родные!/ Прощайте, семья!/ "Гренада, Гренада, Гренада моя!"») и уже в XXI веке, на Востоке Украины.

Тут перед читателем разворачивается конфликт между ясной мечтой Мосцепанова и сложной реальностью греков и Греции, реципиентов внедряемой «свободы». Филэллин Мосцепанов — как подлинный борец за чужую «свободу» — по сути любит не греков, а свои мечты о них, реальность для него вещь неприятная, но что тут поделать — «заливает стеарин/ не мысли о вещах, но сами вещи». Греки же платили Мосцепанову взаимностью. Обычное дело при подобных экспортных операциях — реальные жители провинции Гренада не были рады внедряемому представлению о свободе от «мечтателя-хохла». Что касательно до суровых буров, тех еще приверженцев свободы, то тут свидетельств, к сожалению, не имеется.

Роман наполнен массой деталей, меж собой не всегда связанных, не всегда точных (скажем, в описываемые времена уже не было придворной должности камер-секретаря), но создается впечатление, что над ними не волен ни автор, ни герои романа. Это парадоксальным образом превращает «Филэллин» («Наверно, тем искусство и берет,/ что только уточняет, а не врёт,/ поскольку основной его закон,/ бесспорно, независимость деталей») в полифоническое пространство, где каждый из героев наделен уникальными характеристиками. Они — и в этом заслуга автора, — ближе к финалу начинают сближение, создавая особенно зримую картину. Насыщенную внутренним, символическим содержанием.

Например, трех главных героев, Мосцепанова, его антагониста, лишенного мосцепановской всемирной отзывчивости, прагматика и человека Запада Фабье и Александра I объединяет (его императорское величество — недолго, но болезненно) хромота.

В Журнале камер-секретаря Игнатия Еловского от июля-августа 1824 года описывается смотр кавалерии Литовского корпуса: «К девяти часам войска были построены, в одиннадцать прибыл государь. Ему подвели лошадь, и они с братом начали объезжать строй, держась немного впереди свиты. На правом фланге стояли уланы полковника Гродзинского. Остановившись, государь подозвал к себе полкового командира, и пока тот к нему подъезжал, любовался шедшим под ним вороным жеребцом редкой масти. Его черный, подернутый великолепной сединой круп напоминал глыбу чугуна в дымке осеннего инея, но при отдаче Гродзинским рапорта видно стало, что этот красавец дурно выезжен. Он переступал ногами, всхрапывал и разве что не ржал. Гродзинский с трудом удерживал его на месте. Отъезжая после рапорта, он упустил из виду нервность лошади и, нервничая сам, выполнил разворот непозволительно близко к государю. Жеребец взбрыкнул левой задней ногой и нанес ему удар подковой в правое берцо».

Слово «берцо» смущать не должно — так прежде называли голень, но «устар.» значения слов всегда добавляют изысканности тексту. Дело в том, что его императорское величество, ещё пребывая на престоле, а позже — осеняя духом своим деяния подданных, как бы соединяется и с Мосцепановым, и с Фабье.

Автор, как я уже говорил, травмировал Фабье ступню, но и Мосцепанову колесом лафета отдал пальцы на той же правой ноге. Таким образом, эти герои романа составляют почти трискелион, три бегущие ноги из одной точки, один из древнейших символов, известный на огромных пространствах Евразии с незапамятных времен.

Кроме того, травмированные стопы символизируют тяжелое, гнетущее прошлое, не отпускающее, постоянно приходящее в сновидениях. Психолог же сказал бы, что такая общая травма, символизирующая глубокое разочарование в любви, объединяет всех трех героев в их тревогах и горе.

Впрочем, далеко не все детали романа так выпуклы и пастозны, как волосы с лобка взыскующей любви Сюзи или общая для главных героев хромота. Некоторые еще и загадочны, и никакой разгадки автор читателям не дает.

Одной из таковых, важных для характеристики отставного штабс-капитана, является его отношение к «матерному сквернословью». Оно Мосцепанов не приемлет, но еще на Урале происходит нечто, возбуждающее в читателе чисто лингвистическое любопытство. Оно не удовлетворяется ни в Памятных записях начальника Верхнеуральского горного батальона майора Бориса Чихачёва, присланного в июле 1823 года в Нижнетагильские заводы, ни значительно позже, уже ближе к концу романа.

Майор имел поручение от Пермского губернатора барона Криднера выяснить — кто, в сущности, таков этот штабс-капитан Мосцепанов. Ведь Мосцепанов не только бомбардировал губернатора доносами на своих начальников, обвиняя администрацию

демидовских заводов в злоупотреблениях, предлагая, как истинный государственный, национализировать золотые прииски. Главное же — он настаивал на необходимости его, Мосцепанова, личного представления графу Алексею Аракчееву и даже отправил Аракчееву письмо следующего содержания: «Имею объявить особенную важную тайну, много могущую способствовать торжеству креста над полумесяцем. В общем виде готов открыть ее военному или статскому лицу по предъявлении им полномочий от вашей светлости, а полностью — лично вашей светлости или всепресветлейшему, державнейшему государю императору Александру Павловичу, самодержцу всероссийскому, дышащему благом народов своих».

К слову, губернатор по поводу «тайны» пишет Аракчееву, что «она по всей вероятности, выдумана им (Мосцепановым) с целью привлечь внимание высоких особ», предполагая за Мосцепановым корысть. Тут губернатор прав лишь отчасти. Как человек несомненно убежденный в собственной незаурядности, талантах, предназначении Мосцепанов стремится привлечь внимание к своей особе и своим идеям, но не с прагматической, не с корыстной целью. Он чувствует над собой «идею», ею руководствуется, внимание высоких особ нужно для ее реализации.

Сама же тайна связана с уверенностью Мосцепанова в том, что он, пытавшийся найти применение сырой «нафте», то есть нефти, якобы разгадал секрет «греческого огня» и уверен, что с его помощью можно будет сжечь флот султана и победить османскую армию на земле. Идея «греческого огня» остается идеей. Артиллерия начала XIX века намного действеннее этого, прежде такого грозного оружия, Мосцепанов, оказавшись в Греции, счастливо забывает про этот огонь. Но слова, по своему воздействию и грубости превосходящие «матерные», помнит прекрасно.

Вот как описывает ругань Мосцепанова (и его поведение) в «Памятных записках» майор Чихачёв: «Мосцепанов попросил предъявить ему верительное письмо от Аракчеева, а убедившись в его у меня отсутствии, сказал, что откроет свою тайну только тому, кто прибудет к нему с письменными полномочиями от его светлости. Мои настоятельные попытки убедить его, что барон Криднер, получив эти полномочия от Аракчеева, в устном виде передоверил их мне, успеха не имели. Он стоял на своем.

“Хорошо, — смирился я. — Изложите ваше дело на бумаге, запечатайте своей печатью и под расписку вручите мне. Я с курьером, в пакете за казенной печатью, отошлю ваше письмо в Пермь”.

На это он тоже не согласился — под смехотворным предлогом, будто в дороге печать сломают и его письмо прочтут.

Я указал ему, что курьеры не вскрывают казенных пакетов, но он и тут нашел отговорку: мол, ему сначала нужно своими глазами увидеть полномочия, полученные господином бароном Криднером от графа Аракчеева, а то, может быть, и тот их не имеет.

Я вызвался доставить его в Пермь, чтобы он удостоверился в наличии у губернатора таких полномочий.

Ехать туда он не пожелал без объяснения причин, зато изъявил готовность на казенный счет отправиться со мной в Петербург, к графу Аракчееву.

Я сказал, что отвез бы его туда с радостью, сам в Петербурге десять лет не бывал, — но не имею на то приказа.

Он, казалось, принял мои резоны с пониманием. Это меня расслабило, и я вновь принялся увещевать его открыть мне свою тайну. Вдруг он с силой пристукнул об пол тростью и выругался теми самыми, видимо, словами, о которых меня предупреждал Сигов. Я не мальчик, от солдат всякого наслушался, но таких слов никогда не слышал. По производимому впечатлению они превосходят всякое матерное лаianie».

Что это были за слова, оказавшиеся незнакомыми боевому офицеру, чьи голоса — возможно ли предположить такое? — исторгались голосом Мосцепанова, — на эти вопросы автор, возбудив в читателе самое неподдельное любопытство, ответа не дает.

Возможно, следуя все тем же постмодернистским принципам. Действия героев, их путь (в случае Мосцепанова — с Урала в греки) — фрагментированы, рассеяны по всему тексту, несмотря на внешне выдержанную хронологию. Мир, в котором действуют герои романа, хаотичен, движется при этом к распаду; не свобода и любовь встречают их, а печаль, разочарования, смерть.

Лишь Мосцепанов («Губы толстые, как у негра, а глазки голубенькие. Такие бывают у чистых девочек и развратных мальчиков» — по характеристике наблюдательного майора Чихачёва) везде оказывается в выигрыше: в Греции у него покорная, молчаливая женщина, достаток, полный дом, что не мешает ему, как и прежде, исторгать из себя превосходящие матерное лаяние слова и как подлинному мегаломану относиться ко всем окружающим с презрительным снисхождением.

В этом герое автором скрыто многое, далеко не всё, что можно увидеть на страницах. Это герой типический, крайне важный как для литературы, так и для нашего времени.

Общее отношение к «Филэллину» тем не менее возбуждает некое чувство противоречия, то есть — непонимание причин общей восторженности. При том, что этот роман очень интересен. Его даже можно назвать одним из самых значительных романов последних лет. И в этой связи вспоминается высказывание Валерия Брюсова по поводу одного из рассказов Чехова. Брюсов писал, что если критику не понравился этот рассказ «...то первый вопрос, который должен задать себе критик, это не “Где ошибка автора”, а “В чём недостатки моего понимания, если мне это не нравится”». Прочитав роман с большим вниманием и пытаясь ответить на «брюсовский» вопрос, ответа все-таки не нахожу.

Игорь Кузнецов

Вольный пленник Акрополя

Дочитав «Филэллин», я почти тотчас снял с книжной полки альбом-путеводитель по Греции и открыл его на главе, посвященной Афинам и Акрополю. То есть не совсем так — рассматривать его я начал с первых страниц и карты Греции и окрестностей, разверстанной на две полосы. По большей части названий городов и прочих мест, упоминаемых в романе, действие которого происходит в 20-х годах XIX века, тут не обнаружилось, так как моя карта изображала географическую действительность той самой часовой некоторыми героями романа Древней Греции, но уж Афины, Элевсин и ближайшие к ним острова были на месте под своими именами, никогда не менявшимися. Так что уже не составляло большого труда представить вид с Акрополя, открывшийся одному из персонажей романа: «Обширность горизонта — вот что подействовало сильнее всего. На краю скалы от высоты и восторга захватывало дух. День был ясный, в прозрачном воздухе ранней осени глаз не встречал никаких ограничений, кроме собственной слабости. Криднер сориентировал меня по сторонам света, это позволило разложить все открывшиеся передо мной картины по четырем разделам, чтобы надежнее сохранить их в памяти. На севере раскинулись городские кварталы с встающей над ними громадой Ликабеттоса; на востоке, минуя ворота Адриана, уходила в Элевсин известная даже мне, профану, *священная дорога* элевсинских мистерий; на западе темнел холм Ареопага с двумя пещерами, где находилась темница Сократа; наконец, на юге взгляд скользил по домикам Пирея, по игрушечным корабликам в порту, по сверкающей морской синеве, и упирался в отдаленные возвышенности Саламина или Эгины. Криднер не мог точно сказать, какой из двух этих островов мы видим».

Сам Акрополь уже в поздние времена романа начал освобождаться от венецианских и турецких построек, заслонявших Парфенон и Эрехтейон, но чуть раньше реально предстал перед взором главного героя Григория Мосцепанова, прежде видевшего его исключительно на гравюре еще в России и в своих видениях, местом, далеким от совершенства.

Вот что он пишет в письме к далекой своей гражданской жене Наталье Бажиной в Россию: «Сидим в осаде в той крепости на горе, что на моей гравюре у тебя дома. Там, где женщина под горой козу гонит, был бой с турками, я турецкого генерала застрелил, его солдаты разбежались, и мы ушли на Акрополь». «Кругом грязь, помои, воняет отхожим местом, Парфенон стоит шербатый, страшный, мраморные девы на Эрехтейоне носы повесили, у кого они есть». Я по сравнению с героем романа в лучшем положении, если отрешиться от ситуации подлинного присутствия, так как могу, пусть всего лишь на фото, с холма Филопаппа увидеть афинский Акрополь, окончательно очищенный от поздних наслоений, и даже рассмотреть его в подробностях II века новой эры, после нескольких архитектурных переделок, произведенных Адрианом и Иродом Аттиком, в детальной реконструкции. Но это уж так — для отрады души и зора, потому как имеет отношение не столько к роману, сколько, благодаря ему, к пробуждению во мне очередного интереса к античной Греции, благоприобретенного ещё во времена давней юношеской учебы на истфаке. А вот уж греческая война за независимость от Османской империи (1821—1829) и долгая героическая оборона Акрополя в захваченных турками Афинах в 1826 году никогда не задевали моих интересов. Да и знал-то я об этих событиях едва-едва до того, как в руках у меня оказался «Филэллин» Юзефовича. Но такое удивительное свойство у этого писателя: он делает достоянием многочисленных читателей события, настолько от них далекие во всех смыслах, что только диву даешься. Про греческую войну я уже сказал, с бароном Унгерном для меня особый случай (про него я что-то знал и до «Самодержца пустыни», даже его первого издания), а вот фамилии красного командира Строда и белого генерала Пепеляева из «Зимней дороги» были мне точно совсем неизвестны. Да и какое бы мне до них было дело, если б не книга Юзефовича у меня в руках?

Как, почему всё это *вдруг* становится современному читателю интересно?

Да просто потому, что хорошо, да ещё и чрезвычайно увлекательно написано — вот самое простое и вместе с тем почти исчерпывающее объяснение, на мой взгляд.

Тут я считаю своим долгом признаться, что для меня Леонид Юзефович относится к тем редким современным писателям, от чтения которых я получаю почти физическое удовольствие, а в таких случаях я читаю нарочито неторопливо, если не сказать медленно и даже, зачастую, возвращаюсь к началу или середине только что прочитанного абзаца, не по причине досадного непонимания, а исключительно удовольствия для. Ниже приведу пару взятых практически наугад и оттого особенно характерных примеров.

«Члены враждующих партий умирали при загадочных обстоятельствах; говорили не только об отравленной еде или питье, но о смертоносной одежде, ядовитых конских поводьях, четках, шипах и колючках, украдкой положенных в обувь. Упоминались и пропитанные ядом страницы священных книг, как в "Имени розы" Умберто Эко. Впрочем, о том, что происходит за стенами двух столичных резиденций Богдо-гэгена, иностранцы мало что знали. Слухов ходило множество, но, по словам русского монголиста Позднеева, оценить их правдивость было так же трудно, как "проверить действительность жизни гаремов персидского шаха"» («Самодержец пустыни»). Тут, конечно, мои придыхания можно списать на бесконечную мою любовь к Монголии и на то, что для меня сам Богодо-гэген и его резиденции, одну из которых, сохранившуюся, напротив священной горы монголов Богд-Хан-Уул, я видел воочию, сами по себе более чем не пустые слова, — но вот опять на случайной странице открытая «Зимняя дорога», где меня ничто вроде бы заранее и уж точно *само собой* не должно впечатлять (хотя в Якутии я тоже был):

«Аресты *тойонов* с их окружением дезорганизовали привычную жизнь *наслегов* и *улусов* и ударили по всему якутскому населению, включая *хамначитов*, в чьих интересах это якобы делалось. Репрессии затронули и национальную интеллигенцию — учителей, фельдшеров, наследных писарей, городских служащих. С началом террора многие из них перебрались из городов в улусы, а с появлением Коробейникова присоединились к повстанцам. Без них восстание 1921 года не слишком отличалось бы от якутских восстаний XVII века, но теперь оно приобрело характер национально-освободительного движения. Коробейников со штабом координировал действия отдельных отрядов, во главе которых стояли белые офицеры. Командирам-якутам присваивались офицерские звания. Сын амгинского *тойона* Афанасий Рязанский, произведенный Коробейниковым в прапорщики, скроил себе погоны из шитых золотом церковных риз». Впечатляет. Думаю, не только меня.

Но вернемся к «Филэллину» (из него цитата приведена выше).

Фабулу вкратце можно изложить так. Отставной штабс-капитан Григорий Мосцепанов, проживающий в Нижнетагильских заводах, сочувствует борьбе греческих повстанцев с Османской империей и, обладая некой особо важной тайной, пишет письмо графу Аракчееву, что тайну эту он готов объявить — исключительно лично ему или императору Александру Павловичу, надеясь, что всё это сподвигнет Россию встать на защиту греков. Одновременно он борется за справедливость, опять же в письмах разоблачая местное начальство. Интерес к его «важной тайне» проявляют, отправляя к нему специально уполномоченного ее выведать майора Чихачёва, кому он ничего не открывает, а то самое местное начальство добивается, чтобы его заключили под стражу за необоснованное «ябедничество». Мыслями же и в своих видениях (на стене у него висит гравюра с видом Акрополя) он уже давно там, в Греции. Куда в конце концов, после нескольких своих смертей, чему находятся искренние очевидцы или хотя бы послушные лжесвидетели, и попадает, геройски оказавшись среди защитников Акрополя, а потом и навсегда оставшись в Афинах, где над Парфеноном уже поднят греческий флаг.

Сюжет же романа, где множество действующих, в том числе исторических, лиц вроде Александра I или Ибрагим-паши, выстраивается на основе дневников, писем и мысленных разговоров героев с отсутствующими собеседниками. Как сообщает сам Юзефович, предваряя роман кратким предисловием, «герои думают, пишут и говорят о том, о чем люди тогда думали, писали и говорили, правда, делают это не совсем так, как их тогдашние двойники и современники двойников, а ведут себя часто совсем иначе», а именно — сообразуясь с волей автора. Да, и говорят они, и пишут, и думают не на языке того времени, а на языке писателя Юзефовича. Тут можно предъявлять претензии или же принять такую стилистику как данность — мне ближе второй подход, потому как стилизация «под время» и излишняя «особость» речи персонажей меня бы, скорее, раздражали и отвлекали от повествования.

События «вокруг» борьбы греческих повстанцев, имевшей место в далеком XIX веке, привлекли меня исключительно благодаря книге Юзефовича, и вряд ли мой интерес к ним будет простирается и теперь глубже прочитанной страницы в «Википедии», им посвященной. Помнится, подобное (хотя там, повторюсь, у меня был и личный интерес) случилось и с Унгерном — в одной маленькой книжной лавке в районе Денежного переулка я долго держал в руках и листал обширный сборник мемуаров о бароне (кажется, аж в двух томах), но покупать его всё же не стал. Почувствовав, что мне достаточно и документально-художественной («художественное» там относится исключительно к качеству изложения, а не к фактам) версии Леонида Юзефовича.

В авторской же аннотации к «Филэллину», вынесенной на четвертую страницу обложки, напрямую заявлено: «Реконструкция прошлого не была моей целью. “Филэллин” — скорее вариации на исторические темы, чем традиционный исторический роман».

И это хорошо. Я, например, исторических романов не люблю и давно не читаю.

Елена Иваницкая

Жизнь с трещиной в сердце

Друзья! нас ждут сыны Эллады!

Вильгельм Кюхельбекер.
Греческая песнь (1821)

Историк, прозаик, поэт Леонид Юзефович в кратком вступлении к своему новому роману «Филэллин» объясняет читателю свою повествовательную задачу и особенности работы с историческим материалом: «Герои думают, пишут и говорят о том, о чем люди тогда думали, писали и говорили, правда, делают это не совсем так, как их тогдашние двойники и современники двойников, а ведут себя часто совсем иначе. Я не ставил своей задачей реконструкцию прошлого, но, может быть, строгий читатель более снисходительно отнесется к некоторой условности рассказанной здесь истории, если будет знать, что она разворачивается в натуральных декорациях и с привлечением подлинного антуража эпохи».

Если верна старая сентенция, что «любая история — это история настоящего», то сразу встанет вопрос, *о чем* этот роман, в ответе на который каждый истолкователь (включая автора) выявит свое понимание актуальных, «болевых» линий современности.

Юрий Сапрыкин (Медуза, 7 декабря 2020) ответ на вопрос связывает с образом войны в романе: «Начинавшийся как милая стилизация, “Филэллин” превращается в размышление о войне, о ее мистике и тайне. Война, как мы видим ее в “Филэллине”, — это не просто сражение между греками и турками или православными и мусульманами: в каком-то смысле это конфликт между ясностью мечты и сложностью реальности».

Владислав Толстов («Читатель Толстов», выпуск 453, 26 ноября 2020), называя роман «абсолютным шедевром отечественной исторической прозы», выдвигает на первый план проблему власти и ответственности: «Невероятно увлекательная, глубокая, умная история одиночества монарха и его ответственности перед потомками».

Андрей Тесля в журнале Fitzroy (18 декабря 2020), тоже, оценивая «Филэллин» как «великую книгу», сосредоточивает внимание на идеях «закольцованности», взаимосвязанности исторических и личных событий. Это роман «о жизни, о смерти, о любви — и о каменистой земле, на которой живут люди, где растет лишь олива и где делают вино, оставляющее на зубах смолу. Об истории — где одно сцеплено с другим причинно-следственными связями, где важно, что следует за чем и почему — и о мифе, связывающим всё, сплетаясь кольцом, — и где события жизни одного персонажа находят смысл в рассказе другого».

Рецензент «Горького» (gorky.media, 27 ноября 2020) видит в событиях романа «эффект гомеровских масштабов» и погружение в вечные темы: «Что получилось? Не кривая против исторической достоверности, роман носит историософский характер; документальные факты задают здесь разметку сюжетного поля, на котором разыгрывается беллетристическая рефлексия на вечные темы любви, самоотверженности, свободы, мечты».

Сам Леонид Юзефович в интервью журналу «Огонёк» (№ 45 от 16 ноября 2020, стр. 34, беседовала Мария Башмакова) настаивал, что главной идеи в романе нет, «их много» — и назвал лишь одну: «Мои герои не авантюристы и не радикалы. Они мечтатели. Каждый из них приезжает в Грецию не только ради того, чтобы воевать за

ее свободу, но и в погоне за своей собственной иллюзией. Эта погоня за призраком — единственная, пожалуй, идея романа, которую я могу внятно сформулировать».

Интересно, что Мария Башмакова во вступлении к беседе с автором формулировала главные идеи романа очень четко: «Новый роман Леонида Юзефовича “Филэллин” — это попытка исследования русского характера XIX века. Какие его черты нам близки и какие, наоборот, непонятны? Соблазн назвать “Филэллина” историческим романом велик, однако это было бы неверно. Книгу Юзефовича можно сравнить с “оптической лабораторией русского характера”. Также, конечно, это роман об одиночестве, любви и о том, кого же мы любим — человека или миф о нем?»

Итак, первые развернутые отклики были полностью единодушными только в том, что «Филэллин» — настоящее событие в отечественной словесности, но в его понимании возник целый спектр различных толкований как смысла, так и жанра этого романа.

Ничто, ничто не утопает
В реке катящихся веков...

*Вильгельм Кюхельбекер.
Греческая песнь*

В моем понимании роман Леонида Юзефовича «Филэллин» встает в ряд с романом Дмитрия Мережковского «Александр I». Или — перекликается с ним. Или — подхватывает его художественную линию.

Если Мережковский в своем романе обошел, не затронул греческую тему, уделив главное внимание исторической коллизии «тайное общество и власть монарха», то Юзефович отказался от изображения декабризма, выдвинув на первый план проблему помощи восставшим грекам и те причины, по которым Александр отказывался ее предоставить.

Предельно заостряя эту линию, Юзефович включает в записки одного из своих героев мысль о том, что катастрофическое петербургское наводнение воспринималось населением как небесная кара за отказ императора от вооруженной поддержки греческих единоверцев.

...Борьба за освобождение Греции от власти Османской империи — квинтэссенция романтизма. Филэллинство — всеевропейский феномен.

«Греческий огонь возжегся у меня в сердце!» — восклицает один из главных героев романа, правдоискатель с Нижнетагильских заводов.

Казалось бы, от Урала до Мореи слишком далеко во всех смыслах, но каждый из нас помнит, что портреты греческих героев висели и в доме Собакевича: «Маврокордато в красных панталонах и мундире, с очками на носу, Миаули, Канари. Все эти герои были с такими толстыми ляжками и неслыханными усами, что дрожь проходила по телу. Потом следовала героиня греческая Бобелина, которой одна нога казалась больше всего туловища тех щеголей, которые наполняют нынешние гостиные».

Право решать, кто из героев романа тот «филэллин», который вынесен в заглавие, оставлено автором читателю. Основных «претендентов» трое: уральский чудацк-правдоискатель Мосцепанов, французский офицер и тоже правдоискатель Фабье — и, наконец, тот, чье сердце волей автора и его героев похоронено в Греции. А кто это, упоминать не стану, так как роман остросюжетный, включает в себя загадки и элементы детектива.

Борьба за свободу Греции учит героев жить «с трещиной в сердце». Возвышенные романтические мечты о независимости и воскресении Эллады слишком жестоко сталкиваются с кровавой и грязной реальностью, с беспощадными сварами и предательствами среди борцов за свободу, с их дикостью и жестокостью.

Александр Ипсиланти не только герой освободительной борьбы, но и виновник дикой резни. На этом «неудобном прошлом» останавливают внимание читателя несколько героев романа.

«Когда Ипсиланти воззвал к греческой черни, она первым делом принялась резать ни в чем не повинных соседей-мусульман. Чернь везде одинакова. В Стамбуле вы пожинаете то, что гетеристы посеяли в Валахии, Морее и на островах». Габбай прав, и я ненавижу его за его правоту» — так пишет в дневнике один из героев романа — греческий патриот, разведчик, врач на русской службе, спасавшийся в доме Габбая во время стамбульского избиения греков.

А другой персонаж откликается записками из царского дворца: «Прежде чем на Хиосе высадили Кара-Али с его янычарами, — парировал государь, — туда приплыли греки с Самоса и истребили всех мусульман, включая младенцев». «Они мстили за патриарха Григория, за убийство стамбульских греков», — оправдал их Шиллитоу. «А Кара-Али — за морейских турок, — отразил государь и этот выпад».

Роман выстроен очень искусно, красиво, парадоксально и вместе с тем логично. Выстраивая повествование с помощью «голосов» действующих лиц, Юзефович доводит до предела художественную манеру Мережковского, который перемежал повествование от автора дневниками и записками своих героев.

Письма, записки, дневники, «голоса» из царского дворца и уральской избушки, с Акрополя и с борта суденышка на Волге складываются в исторический сюжет борьбы за независимость Эллады и философский сюжет «борьбы с судьбой».

Оба сюжета завершаются, насколько я поняла мысль автора, победой, неотличимой от поражения.

Счастлив, кто с жизнью молодою
Простился в пламенном бою,
Кто убежал от уз и скуки...

*Вильгельм Кюхельбекер.
Греческая песнь*

Главные романтические приключения выпали на долю героя сугубо неромантического — нижнетагильского чудака, немолодого, некрасивого и занудного.

Антиромантические установки романа несомненны и проявляются особенно резко в постоянном подчеркивании тягостных и физиологических подробностей. Герои страдают то запором, то поносом, их едят вши, они мучаются от грязи, вони, сырости, холода. Жизнь, в которой они мечтали обрести «пламенный бой», то и дело оборачивается к ним своей «изнанкой».

«Отделенная от тела голова государя превратилась в череп. Костандис начал натягивать на него кожу с волосами».

Собственно, все персонажи романа резко не соответствуют романтическим канонам. Столкновение «рядовых, непримечательных» людей с огромными событиями, на которые устремлено «око мира» — это уже в традиции не Мережковского, а Марка Алданова, которому и следует здесь Леонид Юзефович.

«У подножия горы с венчающей ее величайшей из святынь Европы, рядом с десяти тысячной турецкой армией, в любой момент готовой выйти из тьмы, — меня охватило странное чувство обыденности происходящего. Секундой позже я понял его причину. Мой мозг защищался от страха смерти, внушая себе, что смерть маловероятна, так как ничего особенного не происходит».

Вместе с тем все герои отличаются исключительной психологической чуткостью (я бы даже сказала — фрейдистского плана) и склонностью воспринимать все

увиденное и услышанное с философской точки зрения, возводя к символическим обобщениям.

В двух словах скажу, что некоторые детали романа меня смущают. Самое растерянное недоумение вызвали у меня неугасимые лампы, заправленные... керосином? Герой получает его на домашнем заводике, «передваивая нефть», и сбывает в церкви. Нефтеперегонный куб в принципе уже был известен, хотя нижнетагильский чудак немного обогнал историческое время в получении керосина, но неужели керосин использовали в качестве лампадного масла? Тем более в «оливковой» Греции?

В кульминационный момент, когда под Акрополем греческий отряд сталкивается с турецким, начинаются переговоры командиров — Ибрагим-паши и Фабье. Вероятно, в романной реальности Ибрагим-паша всего лишь коротко предложил грекам сдаться. Но филэллин Фабье слышит целую речь, в которой высказаны все его сомнения, разочарования и вся суровость «правды жизни» по отношению к возвышенной мечте.

«Вы думаете, что свободная Греция явит миру пример величия духа? Что филэллины станут зерном, из которого произрастет братство народов? Если вы сумеете вырвать у нас хотя бы клочок земли, населенный греками, на следующий день ваши филэллины поделятся по нациям и передерутся за право устанавливать на нем свои порядки. А греки, если им достанется Акрополь, нарежут его на участки и будут сдавать их в аренду европейцам. С вас будут брать деньги за возможность увидеть Парфенон...»

И все это, то ли услышанное филэллином, то ли горестно обдуманное, сбудется именно так — и прямо в пределах романа, в его заключительной главе.

Греция не явила величие духа, из филэллинства не произошло братство народов, но можно ли сказать, что борьба была напрасна?

Герои не увидели свет, хотя победили, но они заслужили покой. Так и называется заключительная глава — «Покой».